Сариева И.Р. Политическая самоэффективность: теоретические подходы и актуальные исследования

САРИЕВА И.Р. ПОЛИТИЧЕСКАЯ САМОЭФФЕКТИВНОСТЬ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

English version: [Sarieva I.R. Political self-efficacy: theoretical approaches and contemporary research](#)

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

[Сведения об авторах](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Данная статья представляет собой систематический обзор актуальных исследований по изучению политической самоэффективности (ПСЭ). В работе рассмотрены теоретические предпосылки к появлению конструкта, основные определения и классификации, истоки формирования ПСЭ и ее последствия на поведенческом уровне. ПСЭ является частным случаем самоэффективности в политической сфере и основана на теории самоэффективности А. Бандуры. Современные исследователи выделяют три основных типа ПСЭ: внутренняя (индивидуальная), коллективная (групповая) и внешняя. Внутренняя ПСЭ рассматривается как вера в свою способность влиять на происходящие события в государстве, коллективная – как вера в способность своей группы влиять на происходящие события в государстве. Внешняя ПСЭ, в свою очередь, включает в себя восприятие того, насколько государство и социально-политическая система восприимчивы к действиям индивида или группы.

Изучение ПСЭ – важное и перспективное направление в социальных науках. Существенное внимание уделяется факторам формирования и изменения ПСЭ. К их числу относятся среди прочего условия политической социализации, особенности социально-экономических условий и политической системы, а также медиапотребление и информационный фон. Также накоплен существенный массив исследований, посвященных взаимосвязи уровня ПСЭ с различными индивидуальными и социальными характеристиками, включая демографические факторы и экономическое положение.

Большинство подходов к изучению ПСЭ направлено на то, чтобы проанализировать ее связь с различными формами политического поведения. Исследования показывают, что внутренняя, коллективная и внешняя ПСЭ по-разному связаны с нормативными (например, голосование) и ненормативными (например, протесты) формами политической активности. Перспективным направлением остается дальнейшее изучение связи ПСЭ с новыми и специфическими формами политического поведения, такими как политическая активность в интернете. Важной задачей является проведение исследований на новых выборках и, в частности, в странах постсоветского пространства, а также проведение экспериментальных исследований.

Ключевые слова: самоэффективность, политическая самоэффективность, коллективная самоэффективность, внешняя самоэффективность, политическое участие

Введение

За последние 20 лет в России и на постсоветском пространстве значительно расширился спектр наблюдаемых форм политического участия. Они ранжируются от масштабных массовых протестов («цветные революции») и выдвижения кандидатов в разные органы власти до локальных акций, онлайн-флешмобов, петиций и других форм индивидуальной активности [Ситнова, 2011; Козырева, 2015; Воробьева, 2016]. На этом фоне существенно возрос общественный запрос на анализ и прогнозирование возникновения различных форм политической активности на всех уровнях. Одним из основных факторов, предсказывающих такую активность, является **политическая самоэффективность (ПСЭ)**.

Впервые интерес к изучению ПСЭ в социальных науках появился в середине XX века после публикации исследования «Американский избиратель» и был обусловлен послевоенной предвыборной политической борьбой, появлением теледебатов и протестной активностью на фоне войны во Вьетнаме [Campbell и др., 1954]. Авторы работы рассматривали ПСЭ в качестве одного из факторов, влияющих на участие в голосовании на выборах, и определяли ее как *ощущение того, что индивидуальное политическое действие оказывает или может оказать влияние на политический процесс в целом, а выполнение гражданского долга имеет смысл*. Другие авторы того

периода также рассматривали схожий по определению конструкт, но называли его «политическая уверенность в себе» [Janowitz, Marvick, 1955] и «субъективная политическая компетентность» [Almond, Verba, 1963].

На сегодняшний день ПСЭ широко изучается психологами по всему миру и является элементом множества общепризнанных моделей коллективной активности и электорального поведения [Acock и др., 1985; Harder, Krosnick, 2008; Sakal и др., 2011; Cohen-Chen, Van Zomeren, 2018; Mannarini и др., 2009; Mummendey и др., 1999; Rees, Bamberg, 2014; Tausch, Becker, 2013; van Zomeren и др., 2008; van Zomeren и др., 2010; van Zomeren и др., 2012; Zimmerman, 1989; Klandermans и др., 2008; Jost и др., 2018]. В российской науке ПСЭ остается относительно малоизученным конструктом, несмотря на высокую актуальность изучения особенностей политического участия в современной России.

Целями данной работы являются систематизация существующих подходов к определению и типологии ПСЭ, а также обзор современных и актуальных исследований истоков, факторов и последствий ПСЭ. С учетом поставленных целей статья разделена на пять основных разделов. В первой части будут рассмотрены базовая теория самоэффективности А. Бандуры, которая послужила основой для развития концепции ПСЭ, а также основные подходы к классификации и определению ПСЭ. Во второй части статьи будут разобраны основные методы для измерения ПСЭ с кратким описанием и критическими комментариями. В третьей части будут проанализированы истоки формирования ПСЭ, такие как особенности социализации, социально-экономического положения и непосредственной информационной среды. Четвертый раздел будет посвящен индивидуальным и социальным характеристикам, которые связаны с ПСЭ. В пятой части статьи ПСЭ рассматривается как фактор политического участия как электорального, так и различных альтернативных форм коллективной активности. И наконец, в заключении будут представлены краткое резюме работы и основные выводы автора.

Типология и основные подходы к определению политической самоэффективности

Теория самоэффективности А. Бандуры

Наибольшее влияние на развитие современных подходов к пониманию политической самоэффективности оказал социально-когнитивный подход в психологии, а именно теория самоэффективности Альберта Бандуры [Bandura, 1978; Bandura, 1982; Bandura, 1986; Bandura, Ramachaudran, 1994; Bandura, 1997]. Бандура рассматривал самоэффективность не как стабильную индивидуальную черту [например, Shelton, 1990], а как *веру человека в свою способность воздействовать на конкретные события, которые оказывают влияние на его жизнь*. Он выделил четыре основных фактора формирования такой воспринимаемой самоэффективности: 1) непосредственный опыт, так как собственные прошлые успехи человека в конкретной деятельности повышают уровень самоэффективности, неудачи снижают; 2) косвенный опыт, то есть наблюдение за успехом или неуспехом других людей в деятельности; 3) общественное мнение, то есть мнение окружающих людей о потенциальном успехе или неуспехе человека в конкретной деятельности, и 4) физическое и эмоциональное состояние человека, так как позитивное эмоциональное состояние будет повышать самоэффективность, а негативное – понижать. Со временем в рамках подхода теории самоэффективности также стала рассматриваться самоэффективность на групповом уровне. *Коллективная самоэффективность – вера в совместные способности группы самоорганизоваться и реализовать те или иные шаги для достижения определенных общих целей* [Bandura, 1997; Bandura, 2000]. При этом необходимо учитывать, что такая оценка базируется на комплексных динамических взаимоотношениях как внутри группы, так и с другими группами, постоянных переоценках ресурсов и также может проявляться в различной деятельности.

Отдельно Бандура отмечал, что в любой деятельности важное значение имеет не только ожидание эффективности деятельности (индивидуальной или коллективной), но и ожидание исхода, то есть оценка того, насколько то или иное действие в текущих условиях может привести к различным результатам. Иными словами, воспринимаемая самоэффективность будет отражать оценку своих способностей в какой-либо деятельности, а ожидание исхода – оценку вероятности определенного результата конкретной деятельности в текущих условиях.

Таким образом, социально-когнитивный подход в психологии дал основу для изучения самоэффективности в различных сферах деятельности, в том числе в политике, и обозначил два типа воспринимаемой самоэффективности – *индивидуальную и коллективную, или групповую, самоэффективность*. Отдельно в теории отмечалось различие между *ожиданием эффективности и ожиданием исхода деятельности*. Данные концепции и классификации легли в основу определения и типологии политической самоэффективности (ПСЭ).

Определение и классификации политической самоэффективности

Политическая самоэффективность является частным случаем самоэффективности в политической деятельности и будет рассматриваться в рамках данного обзора как *вера в свою способность влиять на происходящие события в государстве* [Cohen и др., 2001; Craig и др., 1990; Levy, 2013]. Если основываться на теории самоэффективности А. Бандуры, то такое влияние может быть оказано как индивидуальной, так и групповой деятельностью, что подразумевает существование индивидуальной и коллективной самоэффективности. *Коллективная политическая*

самоэффективность определяется как *вера в способность своей группы влиять на происходящие события в государстве*. Оба типа самоэффективности активно изучаются как предикторы политического участия [Ascock и др., 1985; Harder, Krosnick, 2008; Cakal и др., 2011; Cohen-Chen, Van Zomeren, 2018; Mannarini и др., 2009; Mummendey и др., 1999; Rees, Bamberg, 2014; Tausch, Becker, 2013; van Zomeren и др., 2008; van Zomeren и др., 2010; van Zomeren и др., 2012; Zimmerman, 1989; Klandermans и др., 2008; Jost и др., 2018]. Значение коллективной самоэффективности в последние годы оценивается достаточно высоко: все больше исследователей отмечают, что для реального политического действия индивиду недостаточно веры в собственные возможности, но требуется уверенность в способностях и эффективности его группы [Lee, 2006; Caprara и др., 2009]. Такой группой может являться как социальная группа-категория (например, жители одной страны, города, феминистки, студенты), так и малая группа (например, локальная инициативная группа, работники одного предприятия). Индивидуальная и коллективная ПСЭ, как правило, связаны между собой, но могут быть по-разному связаны с разными формами политической активности [Gulevich и др., 2017]. Эти два типа самоэффективности образуют воспринимаемую *внутреннюю политическую самоэффективность*, то есть, другими словами, субъективную оценку эффективности индивидуальной и коллективной политической деятельности.

За последние 10 лет стали выделяться разные подвиды внутренней ПСЭ, такие как эпистемологическая ПСЭ, которая определяется как вера в способность получить верную и объективную информацию о политических процессах [Pingree, 2011; Pingree и др., 2013; Pingree и др., 2014; Farman и др., 2017], и сетевая (online или social media political efficacy) ПСЭ, или вера в способность получать информацию через социальные сети и медиа и влиять на мнение других людей [Velasquez, LaRose, 2015; Sasaki, 2016].

В контексте субъективной оценки эффективности политического участия важным параметром является не только вера в эффективность индивидуальной или коллективной деятельности для изменения жизни в государстве, но и ожидание исхода конкретной деятельности в конкретных условиях. В социальных науках для этого стали использовать термин «*внешняя ПСЭ*», который включает в себя *восприятие того, насколько государство в целом готово реагировать на возможные действия индивида или группы, насколько социально-политическая система восприимчива к какому-либо воздействию* [Craig, 1979; Ritter, 2008].

Исследователи отмечают, что внутренняя и внешняя ПСЭ различаются по степени стабильности. Однако среди ученых нет единодушия в отношении того, насколько устойчивы эти типы ПСЭ. Так, часть исследователей отмечают, что внешняя и внутренняя самоэффективность в большинстве ситуаций одинаково устойчивы [Abramson, Aldrich, 1982; Hayes, Bean, 1993]. Другие подчеркивают разницу в динамике между внутренней и внешней самоэффективностью, где внешняя рассматривается как наиболее волатильная [Ascock и др., 1985].

Таким образом, ПСЭ как частный вид самоэффективности в современной литературе подразделяется на три типа: 1) внутренняя индивидуальная ПСЭ, 2) внутренняя групповая (коллективная) ПСЭ и 3) внешняя ПСЭ.

Методы измерения политической самоэффективности

За прошедшие годы было создано множество методик измерения разных типов ПСЭ. Часть исследователей используют разработанные шкалы для измерения самоэффективности [например, Caprara и др., 2009; Morrell, 2005], а другие ограничиваются одним вопросом [например, Kenski, Stroud, 2006]. Стоит отметить, что большинство методик используют для ответов шкалу Лайкерта, которая применяется, как правило, для выражения степени согласия с тем или иным общим утверждением. Такой подход несколько отличается от классических способов измерения общего конструкта в теории самоэффективности А. Бандуры, где респондентам, как правило, предлагалось оценить в процентах вероятность успешного выполнения ими тех или иных действий в различных условиях (например, поднять определенный вес, проехать определенное расстояние на автомобиле и т. д.). У этого отличия есть несколько объяснений. Во-первых, ПСЭ изначально пришла в социальные науки из социологических исследований, где определялась как ощущение того, что индивидуальное политическое действие оказывает или может оказывать влияние на политический процесс в целом, то есть как некоторое общее восприятие. Во-вторых, веру в свои способности в контексте политического взаимодействия достаточно сложно привязать к конкретным единицам измерения ввиду того, что политический процесс представляет собой более сложный механизм, растянутый во времени и включающий в себя большое количество субъектов и факторов. И наконец, шкала вероятности успеха действия в концепции теории самоэффективности в шкалах ПСЭ, как правило, заменяется согласием или несогласием с каким-либо описанным действием. Ниже будут описаны наиболее популярные способы измерения ПСЭ.

Внутренняя индивидуальная политическая самоэффективность

- *Шкала Национального исследования голосования (НИГ)*. Наиболее последовательные попытки измерения ПСЭ предпринимались в Центре политических исследований (Center for Political Study, CPS) Университета Мичигана в США. Данное лонгитюдное исследование (Национальные исследования голосования (NES)) проводится с 1952 года и до сих пор. Однако за это время содержание вопросов шкалы неоднократно менялось. Количество

утверждений в шкале варьировалось от двух до семи, и чаще всего использовалась шкала Лайкерта для оценки степени согласия с ними. Базовыми основаниями для утверждений в большинстве замеров являлись восприятие возможности высказываться, восприятие возможности разобраться в политических процессах и восприятие возможности влиять на государство посредством голосования [например, Craig и др., 1990].

- *Шкала воспринимаемой ПСЭ.* Наиболее значимым вариантом измерения ПСЭ является шкала, предложенная в исследовании Джан Капрары [Caprara и др., 2009]. Автором была разработана специальная шкала ПСЭ, состоящая из 10 утверждений, однако позже авторы сократили версию до четырех утверждений [Vecchione и др., 2014]. Участникам предлагалось оценить по шкале от 1 до 5 свою возможность совершать различные политические действия. Среди них – проведение информационных кампаний в поддержку своей партии, поддержание личных контактов с представителями правительства, возможность способствовать избранию своего кандидата в президенты страны, а также осуществление наблюдения за проведением выборов и деятельностью избранных партий и кандидатов.
- *Шкала внутренней ПСЭ.* Еще один способ измерения политической самоэффективности предложил Майкл Моррелл [Morrell, 2003; Morrell, 2005]. В рамках анализа влияния процесса принятия решений на самоэффективность он предложил использовать шкалу, состоящую из четырех утверждений: 1) «я считаю себя достаточно квалифицированным для участия в политике», 2) «я полагаю, что хорошо понимаю ключевые политические проблемы, стоящие перед нашей страной», 3) «я думаю, что справился бы с государственной службой не хуже, чем большинство людей», 4) «я думаю, что я так же хорошо информирован о политике и государстве, как и большинство людей». Как и в большинстве подобных исследований, участники оценивали свое согласие с каждым из утверждений по пятибалльной шкале Лайкерта.

Внутренняя коллективная политическая самоэффективность

- *Шкала групповой эффективности.* Одним из способов измерения групповой самоэффективности является шкала ван Зомерена, которую автор использует в своих моделях коллективной активности [Van Zomeren и др., 2012]. Шкала включает в себя четыре утверждения, посвященные в целом способности группы добиться желаемого исхода (например, «Студенты как группа могут остановить сокращение финансирования высшего образования»), и дает возможность изменять группу и желаемый исход в зависимости от контекста исследования. Для оценки согласия с утверждениями используется 7-балльная шкала Лайкерта.
- *Шкала коллективной политической эффективности.* Сьюзан Йейч и Ральф Левин в исследовании, посвященном связи между политической самоэффективностью и мобилизацией, представили шкалу измерения коллективной ПСЭ, ориентированную непосредственно на вопросы национальной политики [Yeich, Levine, 1994]. Шкала включает в себя шесть утверждений, посвященных как способности граждан в целом влиять на государственную политику (например, «В стране могут произойти радикальные изменения, если люди объединятся и потребуют изменений»), так и способности конкретных групп добиваться от властей решения своих проблем (например, «Политики откликнутся на наши требования, если мы создадим движение бедных и бездомных»). Для оценки согласия с утверждениями используется 7-балльная шкала Лайкерта.

Внешняя политическая самоэффективность

- *Шкала Национального исследования голосования (НИГ).* За годы проведения национального исследования голосования используемые шкалы многократно модифицировались и обновлялись, в том числе в части, посвященной внешней политической самоэффективности. Многие современные исследователи используют различные комбинации утверждений из шкал НИГ разных лет, посвященные восприимчивости политической системы к действиям людей (например, «У граждан есть множество законных способов воздействовать на государство») и интересу политиков к запросам и воле населения (например, «Большинству чиновников интересно, что думают люди») [Craig и др., 1990; Acock, Clarke, 1990; Balch, 1974].
- *Шкала Европейского социального исследования (ЕСИ).* Альтернативная шкала внешней политической самоэффективности представлена в восьмой версии Европейского социального исследования (European Social Survey), которое проводится с 2001 года. Шкала включает в себя два вопроса, посвященных воспринимаемой отзывчивости политической системы: «Насколько политическая система <в стране> позволяет людям вроде вас влиять на то, что делает государство?» и «Насколько политическая система <в стране> позволяет людям вроде вас оказывать влияние на политику?» [ESS Round 8 Question Design Template, 2016].

Обзор используемых методик исследования ПСЭ дает представление о том, что в большинство широко используемых шкал включены вопросы разного характера и в них до сих пор присутствует некоторая вариативность в содержании утверждений. Однако в целом единое представление об измеряемом концепте есть у большинства исследователей, и оно базируется на шкале национального голосования [например, Craig и др., 1990]. При этом данную шкалу часто критикуют за то, что она плохо реагирует на изменения в политическом настроении в США и не отражает реального состояния ПСЭ [Chamberlain, 2012], что в свою очередь может объяснить развитие различных авторских методик.

Для измерения всех трех шкал ПСЭ на российской выборке была разработана и адаптирована методика, которая

также построена по общим принципам изучения данного концепта [Sarieva, 2018].

Источники формирования политической самоэффективности

Данный раздел освещает факторы, которые связаны с формированием и изменением ПСЭ. Будут рассмотрены следующие группы факторы: 1) социализация, 2) особенности социально-политической системы и экономического положения, 3) особенности медиапотребления и информационная среда.

Социализация. Значительное количество исследований посвящено проблеме формирования политической эффективности, и большинство ученых сходятся в том, что ключевую роль в этом процессе играет политическая социализация. Первым институтом социализации ребенка является *семья*, и исследователи отмечают, что конфликты между родителями связаны с пониженной внутренней политической самоэффективностью у подростков [Šerek и др., 2012]. В свою очередь внешняя политическая самоэффективность индивидов связана с социально-экономическим статусом их родителей, то есть чем выше статус, тем выше уровень ПСЭ [Borgonovi, Pokropek, 2017]. Авторы предлагают следующее возможное объяснение данных результатов: модель взаимодействия родителей в семье переносится на модель взаимодействия между гражданином и государством и задает определенное ощущение эффективности и восприимчивости государства.

Такой институт социализации, как *образовательные учреждения (школа, университет)*, также взаимосвязан с формированием ПСЭ [Šerek, Machackova, 2019]. Исследования показывают, что внутренняя ПСЭ школьников и студентов возрастает по ходу обучения, при этом мальчики стабильно демонстрируют более высокие показатели, чем девочки [Arens, Watermann, 2017]. Отдельно исследователи отмечают позитивную связь участия в долгосрочных специализированных программах гражданско-политического воспитания и внутренней ПСЭ, а также последующего политического участия [Hamilton, Fauri, 2001; Pasek и др., 2008; Beaumont, 2010; Beaumont, 2011]. При этом эффект от участия в различных организациях наблюдается как в случае с организациями политического профиля [Levy, 2018], так и применительно к общественным волонтерским организациям, не специализирующимся на политической тематике [например, Ohmer, 2007]. В то же время нахождение в политически недружелюбной среде может оказывать негативный эффект на ПСЭ: например, студенты, придерживающиеся коммунистических взглядов, демонстрируют снижение уровня внешней ПСЭ во время обучения в вузах, где доминируют другие политические идеологии [Wang, 2018]. Таким образом, ПСЭ связана с обучением в образовательных учреждениях разного уровня, а особенно с участием в различных программах социальной направленности.

С точки зрения политической социализации важным для формирования ПСЭ является *участие в политических процедурах и, в частности, в выборах*. Исследования показывают, что сам факт голосования зачастую приводит к тому, что у индивида повышается ПСЭ [Harder, Krosnick, 2008]. Активное участие в политических кампаниях (агитация, раздача листовок) положительно связано с внутренней ПСЭ [Madsen, 1987]. Победа предпочитаемого кандидата повышает и внутреннюю, и внешнюю ПСЭ [Clarke, Acock, 1989; Davis, Hitt, 2017]. Внешняя ПСЭ возрастает в преддверии и сразу после голосования [Finkel, 1985]. Таким образом, непосредственный положительный опыт участия и даже сам факт участия в политической активности логичным образом будет повышать ПСЭ. Данный результат объясняется базовыми факторами формирования самоэффективности с точки зрения теории А. Бандуры.

Особенности социально-политической системы и экономического положения. Важным направлением исследований в сфере факторов, обуславливающих уровень ПСЭ, является анализ роли различных свойств и элементов окружающей индивида политической системы. На базовом уровне исследователи указывают на связь внутренней и внешней ПСЭ со степенью открытости политической системы и наличия возможности озвучивать свою политическую позицию [Wolak, 2018]. С внешней самоэффективностью связан *уровень прозрачности правительства* [Cicatiello и др., 2018]. *Размер территориально-административной единицы* также в некоторых исследованиях показывает положительную взаимосвязь с внутренней ПСЭ. Другими словами, чем больше регион, в котором проходят выборы, тем ниже внутренняя ПСЭ индивида [Lassen, Serritzlew, 2011].

Исследователи фиксируют связь между партийной системой и внутренней ПСЭ избирателей. Во-первых, они отмечают, что избиратели, предпочитающие *малые партии*, как правило, ощущают себя менее эффективными, чем сторонники крупных партий. Во-вторых, ПСЭ напрямую связана со *степенью поддержки* той или иной партии, то есть чем выше общественная поддержка партии, тем выше ПСЭ. Наконец, с ПСЭ избирателей связан партийный состав парламента. *Слишком большое количество партий* и в особенности наличие широких коалиций снижает веру граждан в собственную значимость в избирательном процессе [Karp, Banducci, 2008].

Экономические факторы также связаны с ПСЭ. В частности, *безработица* негативно коррелирует с политической самоэффективностью. Эффект более заметен в странах со слабыми социальными гарантиями, неразвитой экономикой, высокой безработицей и большим социальным неравенством. На персональном уровне негативный эффект более заметен у мужчин, людей со средним и высоким достатком, молодых и пожилых [Marx, Nguyen, 2016].

Таким образом, прозрачность и доступность политической системы положительно связаны с ПСЭ, а наличие

большого количества партий, большие территориально-административные единицы и высокий уровень безработицы – негативно. Это может быть связано с тем, что при большом количестве условий и общей разобщенности сложнее оценивать собственную эффективность и восприимчивость государства.

Информационная среда. Еще существенными факторами, связанными с формированием ПСЭ индивида, являются окружающая его информационная среда и степень потребления политической информации. Так, данные указывают, что повышение *информированности о политике* в целом повышает внутреннюю ПСЭ [Reichert, 2016]. Этот эффект заметен, в частности, на примере студентов-политологов, у которых фиксируется более высокий уровень внутренней ПСЭ, чем у остальных их сверстников [Dominguez и др., 2017].

При этом некоторые исследователи отмечают, что уровень самоэффективности разнится в *зависимости от потребляемого типа информации*. Так, например, потребление новостей в интернете связано с более высокой внутренней ПСЭ [Schmitt, 2016; Kushin, Yamamoto, 2010]. При этом потребление развлекательных материалов в Сети связано с пониженной внутренней ПСЭ [Scheufele, Nisbet, 2002]. Другие исследователи отмечают негативную связь между внешней ПСЭ и посещением сайтов правительственных органов и организаций [Lee, 2006]. С другой стороны, интерес к политическому юмору и, в частности, юмору, высмеивающему противоположную сторону, связан с более высокой внутренней ПСЭ [Becker, 2014].

Неожиданный эффект на политическую самоэффективность может производить *информационный фон*, создаваемый средствами массовой информации. В частности, особое внимание в последние годы уделяется такому распространенному в западных электоральных демократиях явлению, как негативная политическая реклама. Речь идет о кампаниях, направленных преимущественно на дискредитацию оппонента. По некоторым данным, подобные кампании могут оказывать существенный отрицательный эффект на общее отношение индивида к политике и политическому процессу: возможные реакции включают в себя снижение доверия к государственным деятелям и появление политической апатии [Dardis, Shen, 2008]. Негативные рекламные ролики создают у аудитории представление о сложности и враждебности политической сферы и, соответственно, о собственной неспособности участвовать в политической жизни. При этом отмечается, что эффект значительно возрастает при регулярном контакте с негативной политической рекламой. Аналогичным образом с ПСЭ связано представление об имидже своей группы в СМИ. Респонденты, считающие, что их группа негативно подается в информационном поле, демонстрируют низкий уровень внутренней ПСЭ [Tsfati, Cohen, 2005].

Все более значимым фактором считаются *социальные сети*. ПСЭ может быть по-разному связана с различными сервисами и социальными сетями. Так, например, использование «Фейсбука» позитивно связано с коллективной самоэффективностью, а использование «Твиттера» – с внутренней индивидуальной [Halpern и др., 2017]. В Китае ряд исследователей обнаружили взаимосвязь между использованием онлайн-сервиса микроблогов и верой в собственную способность участвовать в политическом процессе [Chan et al, 2012]. На основе анализа китайского сервиса Weibo (аналог Twitter) ученые делают вывод, что пользование подобным сервисом повышает политическую самоэффективность сразу по двум направлениям. Во-первых, многообразие обсуждаемой информации создает представление о способности человека разбираться в политике (внутренняя самоэффективность), а во-вторых, возможность дискуссии в интернет-пространстве создает ощущение своеобразного гражданского контроля за государством (внешняя самоэффективность).

Таким образом, чем больше человек информирован о политике, читает новости в интернете, пользуется социальными сетями, тем более компетентным он себя считает и тем выше у него уровень ПСЭ. В то же время негативная политическая реклама и негативный образ своей группы в медиaprостранстве будут отрицательно связаны с ПСЭ.

Современные исследования указывают на то, что ПСЭ в целом формируется в процессе социализации и связана с политическими и экономическими особенностями места проживания человека. Данные выводы соотносятся с теорией самоэффективности А. Бандуры о том, что непосредственный и косвенный опыт, а также общественное мнение формируют самоэффективность.

Политическая самоэффективность и индивидуальные и социальные характеристики

В данном разделе будут рассмотрены индивидуальные и социальные характеристики, связанные с ПСЭ, которые выделяются в современных исследованиях.

Значимым направлением исследований является анализ связи ПСЭ с социально-демографическими факторами. У *женщин* в целом внутренняя ПСЭ, как правило, находится на более низком уровне, чем у *мужчин* [Wen и др., 2013]. При этом у феминисток уровень внутренней ПСЭ выше, чем у обычных женщин [Heger, Hoffmann, 2019]. *Возраст* также положительно коррелирует с ПСЭ, то есть чем старше человек, тем выше у него уровень и внутренней, и внешней ПСЭ [Sarieva, 2018].

Экономический статус и наличие образования положительно связаны со способностью индивида интегрироваться в свое сообщество и плодотворно взаимодействовать с другими членами группы, что в свою очередь позволяет говорить об увеличении коллективной самоэффективности [Cohen et al, 2001]. *Уровень дохода* связан с внутренней самоэффективностью: чем выше уровень дохода, тем выше внутренняя ПСЭ [Marx, Nguyen, 2018].

Ряд исследователей также отмечают, что ощущение *принадлежности к группе* положительно связано с внутренней ПСЭ [Anderson, 2010]. Отдельным случаем является группа на основе профессии. Например, у работников социальной сферы выше внутренняя и внешняя ПСЭ [Ritter, 2007; Ostrander и др., 2017; Yeich, Levine, 1994].

Связь ПСЭ и личностных характеристик «Большой пятерки» стала следующим важным направлением исследований. Так, исследователи отмечают наличие связи между открытостью, экстраверсией и политической самоэффективностью [Gallego, Oberski, 2012].

Большой раздел в социальных науках занимают исследования, в которых изучается связь между различными социально-психологическими характеристиками и ПСЭ, в частности как различные верования и аттитюды по отношению к социальным процессам и группам связаны с ПСЭ. Зачастую в качестве переменной выделяется *доверие* [Browning и др., 2004]. Способность индивида доверять в первую очередь членам своего сообщества напрямую определяет как его уверенность в собственных силах, так и веру в способность группы к самоорганизации для достижения тех или иных задач. *Вера в справедливый мир* положительно связана со всеми типами ПСЭ, а вера в опасный мир – отрицательно [Gulevich и др., 2017]. Некоторые исследователи отмечают, что *оправдание системы*, как правило, позитивно коррелирует с ПСЭ, а высокий уровень воспринимаемого неравенства – отрицательно [Osborne и др., 2019; Jost и др., 2018]. Высокая внешняя ПСЭ приводит к более сильному воздействию политической идеологии на конкретные предпочтения по политической повестке [Sulitzeanu-Kenan, Halperin, 2013].

Таким образом, мужчины, люди старшего возраста, люди с образованием и высоким уровнем дохода, чувствующие сильную принадлежность к своей группе, обладают высоким уровнем ПСЭ. Такие личностные характеристики, как открытость новому опыту и экстраверсия, также позитивно связаны с ПСЭ. Вера в справедливый мир и оправдание существующей системы в государстве действуют сходным образом. Это может объясняться тем, что люди из более привилегированных групп и уверенные в «правильности» устройства мира логичным образом ощущают себя более эффективными и в политической сфере.

Политическая самоэффективность как фактор политического участия

Большинство существующих подходов к определению и типологизации политической самоэффективности направлены на то, чтобы проанализировать ее связь с политическим поведением. Сама по себе связь между ПСЭ и политическим поведением на сегодняшний день не ставится под сомнение [Leath, Chavous, 2017; Caprara и др., 2009; Jung и др., 2011; Kenski, Stroud, 2006; Valentino и др., 2009; Yamamoto и др., 2015; Pei и др., 2018]. Ключевым остается вопрос о специфике связей между различными типами ПСЭ и разнообразными формами политической активности. Например, некоторые исследователи подчеркивают, что с политической активностью позитивно связана высокая групповая (коллективная) самоэффективность [Besta и др., 2018] и негативно – внешняя [Lee, 2006].

Для целей данного обзора мы предлагаем разделение на электоральное поведение, то есть участие в нормативной процедуре голосования, и коллективное действие – совокупность групповых форм политической активности, зачастую носящих протестный характер. Исследователи отмечают, что внешняя ПСЭ отрицательно связана с ненормативными формами политической активности, например протестами, а внутренняя ПСЭ положительно связана с нормативными формами, например с голосованием [Gulevich и др., 2017].

Ряд исследователей встраивают самоэффективность в развернутые модели, включающие все основные формы политического поведения. В частности, Барри Зиммерман разработал полноценную систему, в которой *различные типы внутренней и внешней самоэффективности* соотносятся с теми или иными модусами политического участия. Он помимо прочего отмечал, что человек с высокими показателями по обоим типам самоэффективности может, с высокой долей вероятности, стать выборным государственным деятелем. Индивид, отличающийся высокой внутренней, но низкой внешней самоэффективностью, может стать внесистемным активистом, а человек только с высокой внешней самоэффективностью – политическим последователем [Zimmerman, 1989]. Соответственно, при низких показателях по обоим типам возникали политическая апатия и выпадение из политического процесса. Примечательно, что получение информации о потенциальных выгодах от политического участия повышает интерес к политическому участию, но этот эффект наиболее заметен в людях с низкой внешней самоэффективностью [Robison, 2017].

Электоральное поведение. По данным исследователей, внутренняя и внешняя ПСЭ напрямую коррелируют с электоральной активностью индивида, то есть вероятностью участия в голосовании [Rudolph и др., 2000; Sheerin, 2007; Harder, Krosnick, 2008; Reichert, 2016]. При этом чаще всего исследования показывают, что наибольшая

корреляция наблюдается именно с уровнем внешней ПСЭ, которая напрямую перекликается с верой в эффективность выборов [Gulevich и др., 2017; Wollman, Stouder, 1991].

В последние годы проводятся исследования, призванные более тесно увязать различные виды ПСЭ с конкретными электоральными предпочтениями. У избирателей с низкой внутренней ПСЭ чувство гнева приводило к снижению вероятности участия в голосовании при росте склонности поддерживать популистские партии. При этом у индивидов с высоким уровнем внутренней ПСЭ гнев увеличивал вероятность явки на выборы и был связан с поддержкой основных оппозиционных партий [Magni, 2017].

Таким образом, исследователи отмечают важность внешней ПСЭ при анализе явки на выборы, что обусловлено оценкой восприимчивости государства к запросам общества. Другими словами, чем более восприимчиво государство к позиции граждан, тем более вероятно, что человек будет готов участвовать в выборах. Связь уровня внутренней ПСЭ и явки на выборы коррелирует с эмоцией гнева, то есть люди с высоким уровнем ПСЭ и ощущающие гнев по отношению к происходящему более склонны ходить на выборы, чем люди с низкой внутренней ПСЭ.

Коллективные действия. Изучение взаимосвязи ПСЭ и готовности людей принимать участие в коллективных действиях – одно из наиболее динамично развивающихся направлений ввиду стабильно растущей актуальности данной проблематики. Берт Кландерманс отмечает, что относительно высокая внутренняя ПСЭ – обязательное условие, необходимое для организации протестных движений [Klandermans и др., 2008; Corcoran и др., 2011; Zeng и др., 2018]. Более детально изучаются отличия во взаимосвязи различных типов ПСЭ с различными видами коллективной политической активности. Исследователи указывают, что *совокупность высокой внутренней ПСЭ и низкой внешней ПСЭ* (то есть уверенность в том, что именно политическая система блокирует достижение тех или иных результатов) может служить серьезным фактором мобилизации протестной активности [Craig, 1980]. Однако высокая внешняя ПСЭ связана с волонтерской деятельностью [Şerek и др., 2017] и неполитическими формами гражданской активности (например, помощь бездомным) [Walker, 2000].

Особое положение занимают *коллективная (групповая) ПСЭ* и ее связь с протестной активностью. Одной из наиболее известных комплексных моделей коллективной активности является модель ван Зомерена (SIMCA), в которой групповая самоэффективность выступает как медиатор между социальной идентичностью и коллективным действием [van Zomeren и др., 2008]. В некоторых других исследованиях авторы также отмечают, что для протеста нужна высокая воспринимаемая коллективная самоэффективность в совокупности с высокой групповой идентификацией [Abrams, de Moura, 2002]. Еще одним распространенным подходом являются модели с групповой ПСЭ как медиатором между политической активностью и групповым гневом или воспринимаемой несправедливостью [van Zomeren и др., 2004; Włodarczyk и др., 2017; Jiménez-Moya и др., 2019; Carbone, McMillin, 2019].

ПСЭ играет важную роль не только в офлайн-, но и в *онлайн-активности* [Park, You, 2019]. В частности, внутренняя ПСЭ в большей степени связана с политической активностью в интернете и, например, попытками связываться с политиками и чиновниками онлайн. Коллективная самоэффективность связана как с онлайн-, так и с офлайн-политической активностью [Kim, 2015].

Таким образом, в моделях коллективной активности важное положение как предиктор занимает коллективная (групповая) ПСЭ, которая в том числе связана с онлайн- и офлайн-активностью. Высокая внешняя ПСЭ сопряжена с представлением о восприимчивости государства и в большей степени связана с гражданским и волонтерским поведением, низкая внешняя ПСЭ в совокупности с высокой внутренней ПСЭ – с протестным. Другими словами, коллективные действия более вероятны у людей с высоким уровнем коллективной (групповой) ПСЭ и в зависимости от уровня внешней и внутренней ПСЭ могут быть протестными или волонтерскими.

Существующий на сегодняшний день массив исследований указывает на то, что все типы политической самоэффективности являются важными предикторами различных видов политической и гражданской активности и должны включаться в модели прогнозирования политического поведения. Стоит отметить, что для электорального поведения большее значение имеет внешняя ПСЭ, а для коллективной активности – внутренняя.

Заключение

Данный обзор позволяет сделать вывод о том, что ПСЭ является частным случаем самоэффективности в политической сфере. Конструкт ПСЭ основывается на теории самоэффективности А. Бандуры. ПСЭ может быть трех типов: внутренняя (индивидуальная), коллективная (групповая) и внешняя. Разные типы ПСЭ обладают разной стабильностью и по-разному связаны с различными формами политического участия. ПСЭ формируется в процессе социализации, и на данный процесс оказывают влияние характеристики политической, экономической и информационной среды. Люди из более высокостатусных групп и люди, которые верят в справедливость и правильность окружающего мира, зачастую склонны иметь более высокий уровень ПСЭ.

Несмотря на большое количество исследований в этой сфере, остается ряд направлений, требующих дальнейшего изучения. А именно:

1) необходимо больше исследований в странах, которые наименее представлены в публикациях рецензируемых журналов (большая часть исследований проведена в США и Европе и часто имеет культурную специфику [Нап и др., 2014]). Кросс-культурные исследования могут внести больше точности в понимание факторов формирования ПСЭ и механизмы ее связей с политическим участием;

2) необходимо расширять список форм политического участия, изучаемых на предмет связи с ПСЭ. Чаще всего рассматривается электоральная, протестная (в частности, митинги) и волонтерская деятельность. Однако другие формы активности в последние годы также становятся не менее актуальными (онлайн-активность, пикеты, бойкоты, подписание петиций и т.д.);

3) существует потребность в увеличении числа экспериментальных исследований ПСЭ для лучшего понимания причинно-следственной связи. Большая часть исследований на данный момент – корреляционные.

В заключение можно сделать вывод о том, что изучение ПСЭ является важной и актуальной задачей для социальных наук. Особую ценность может иметь изучение ПСЭ в России и на постсоветском пространстве ввиду низкой представленности соответствующих выборок в мировой научной литературе. ПСЭ имеет существенное значение в прогностических моделях различной политической активности, и ее дальнейшее изучение на российской выборке может расширить существующие мировые знания о ПСЭ и иметь существенное прикладное значение для построения гражданского общества в нашей стране.

Благодарности

Хочу выразить благодарность моим старшим коллегам Ольге Александровне Гулевич и Елене Рафиковне Агадуллиной за ценнейшие комментарии, которые помогли сделать эту статью значительно лучше.

Литература

Воробьева И.В. Противоречия и парадоксы политических ориентаций в структуре жизненного мира россиян // Социологические исследования, 2016, No. 1, 17–26.

Козырева А.А. Почему социальные сети являются инструментом политической власти? // Вестник Кемеровского государственного университета, 2015, No. 2-2 (62), 56–59.

Ситнова И.В. Сравнительный анализ «цветных революций» в странах постсоветского пространства // Власть, 2011, No. 5, 144–147.

Abrams D., de Moura G.R. The Psychology of Collective Political Protest. BV. C. Ottati, R. S. Tindale J. Edwards F. B. Bryant L. Health D. C. O'Connell, Y. Suarez-Balzacar, E. J. Posavac (ed.), The Social Psychology of Politics. Social Psychological Applications to Social Issues. Boston, MA: Springer, 2002. Pp. 193-214. doi: 10.1007/978-1-4615-0569-3_10.

Abramson P.R., Aldrich J.H. The Decline of Electoral Participation in America. The American Political Science Review, 1982, 76(3), 502–521. doi: 10.2307/1963728.

Acocck A.C., Clarke H.D. Alternative measures of political efficacy: models and means. Quality and Quantity, 1990, 24(1), 87–105. doi: 10.1007/BF00221386.

Acocck A., Clarke H.D., Stewart M.C. A New Model for Old Measures: A Covariance Structure Analysis of Political Efficacy. The Journal of Politics, 1985, 47(4), 1062–1084. doi: 10.2307/2130807.

Almond G.A., Verba S. The Civic Culture. Princeton University Press, 1963. doi: 10.2307/j.ctt183pnr2.

Anderson M.R. Community psychology, political efficacy, and trust. Political Psychology, 2010, 31(1), 59–84. doi: 10.1111/j.1467-9221.2009.00734.

Balch G.I. Multiple Indicators in Survey Research: The Concept “Sense of Political Efficacy.” Political Methodology, 1974, 1(2), 1–43. doi: 10.2307/25791375.

Bandura A. Exercise of human agency through collective efficacy. Current Directions in Psychological Science, 2000, 9(3), 75–78. doi: 10.1111/1467-8721.00064.

Bandura A. Self-efficacy mechanism in human agency. American Psychologist, 1982, 37(2), 122–147. doi: 10.1037/0003-

- Bandura A. Self-efficacy: The exercise of control. New York, NY, US: W H Freeman/Times Books/ Henry Holt Co, 1997.
- Bandura A. Self-efficacy: Toward a unifying theory of behavioral change. *Advances in Behaviour Research and Therapy*, 1978, 1(4), 139–161. doi: 10.1016/0146-6402(78)90002-4.
- Bandura A. Social cognitive theory of self-regulation. *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 1991, 50(2), 248–287. doi: 10.1016/0749-5978(91)90022-L.
- Bandura A. The Explanatory and Predictive Scope of Self-Efficacy Theory. *Journal of Social and Clinical Psychology*, 1986, 4(3), 359–373. doi: 10.1521/jscp.1986.4.3.359.
- Bandura A., Ramachaudran, V.S. *Encyclopedia of human behavior*. New York: Academic Press, 1994, 4, 71–81.
- Beaumont E. Political Agency and Empowerment: Pathways for Developing a Sense of Political Efficacy in Young Adults. In *Handbook of Research on Civic Engagement in Youth*. 2010. pp. 525–558. doi: 10.1002/9780470767603.ch20.
- Beaumont E. Promoting political agency, addressing political inequality: A multilevel model of internal political efficacy. *Journal of Politics*, 2011, 73(1), 216–231. doi: 10.1017/S0022381610000976.
- Becker A.B. Playing with Politics: Online Political Parody, Affinity for Political Humor, Anxiety Reduction, and Implications for Political Efficacy. *Mass Communication and Society*, 2014, 17(3), 424–445. doi: 10.1080/15205436.2014.891134.
- Besta T., Jaśkiewicz M., Kosakowska-Berezecka N., Lawendowski R., Zawadzka A.M. What do I gain from joining crowds? Does self-expansion help to explain the relationship between identity fusion, group efficacy and collective action? *European Journal of Social Psychology*, 2018, 48(2), O152–O167. doi: 10.1002/ejsp.2332.
- Borgonovi F., Pokropek A. Mind that gap: The mediating role of intelligence and individuals' socio-economic status in explaining disparities in external political efficacy in 28 countries. *Intelligence*, 2018, 62, 125–137. doi: 10.1016/j.intell.2017.03.006.
- Browning C.R., Dietz R.D., Feinberg S.L. The Paradox of Social Organization: Networks, Collective Efficacy, and Violent Crime in Urban Neighborhoods. *Social Forces*, 2004, 83(2), 503–534. doi: 10.1353/sof.2005.0006.
- Cakal H., Hewstone M., Schwär G., Heath A. An investigation of the social identity model of collective action and the “sedative” effect of intergroup contact among Black and White students in South Africa. *British Journal of Social Psychology*, 2011, 50(4), 606–627. doi: 10.1111/j.2044-8309.2011.02075.
- Campbell A., Gurin G., Miller W.E. *The voter decides*. Oxford, England: Row, Peterson, and Co, 1954.
- Caprara G.V., Vecchione M., Capanna C., Mebane M. Perceived political self-efficacy: Theory, assessment, and applications. *European Journal of Social Psychology*, 2009, 39(6), 1002–1020. doi: 10.1002/ejsp.604.
- Carbone J.T., McMillin S.E. Neighborhood collective efficacy and collective action: The role of civic engagement. *Journal of Community Psychology*, 2019, 47(2), 311–326. doi: 10.1002/jcop.22122.
- Chamberlain A. A Time-Series Analysis of External Efficacy. *Public Opinion Quarterly*, 2012, 76(1), 117–130. doi: 10.1093/poq/nfr064.
- Chan M., Wu X., Hao Y., Xi R., Jin T. Microblogging, online expression, and political efficacy among young chinese citizens: The moderating role of information and entertainment needs in the use of weibo. *Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking*, 2012, 15, 345–349. doi: 10.1089/cyber.2012.0109.
- Cicatiello L., De Simone E., Gaeta G.L. Cross-Country Heterogeneity in Government Transparency and Citizens' Political Efficacy: A Multilevel Empirical Analysis. *Administration and Society*, 2018, 50(4), 595–623. doi: 10.1177/0095399716666356.
- Clarke H.D., Acock A.C. National Elections and Political Attitudes: The Case of Political Efficacy. *British Journal of Political Science*, 1989, 19(4), 551–562. doi: 10.1017/S0007123400005639.
- Cohen A., Vigoda E., Samorly A. Analysis of the mediating effect of personal-psychological variables on the relationship between socioeconomic status and political participation: A structural equations framework. *Political Psychology*, 2001, 22(4), 727–757. doi: 10.1111/0162-895X.00260.

Cohen-Chen S., Van Zomeren M. Yes, we can? Group efficacy beliefs predict collective action, but only when hope is high. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2018, 77, 50–59. doi: 10.1016/j.jesp.2018.03.016.

Corcoran K.E., Pettinicchio D., Young J.T.N. The context of control: A cross-national investigation of the link between political institutions, efficacy, and collective action. *British Journal of Social Psychology*, 2011, 50(4), 575–605. doi: 10.1111/j.2044-8309.2011.02076.

Craig S.C. Efficacy, Trust, and Political Behavior: An Attempt to Resolve a Lingering Conceptual Dilemma. *American Politics Research*, 1979, 7(2), 225–239. doi: 10.1177/1532673X7900700207

Craig S.C. The mobilization of political discontent. *Political Behavior*, 1980, 2(2), 189–209.

Craig S.C., Niemi R.G., Silver G.E. Political efficacy and trust: A report on the NES pilot study items. *Political Behavior*, 1990, 12(3), 289–314. doi: 10.1007/BF00992337.

Dardis F.E., Shen F., Edwards H.H. Effects of negative political advertising on individuals' cynicism and self-efficacy: The impact of ad type and message exposures. *Mass Communication and Society*, 2008, 11(1), 24–42. doi: 10.1080/15205430701582512.

Davis N.T., Hitt M.P. Winning, Losing, and the Dynamics of External Political Efficacy. *International Journal of Public Opinion Research*, 2017, 29(4), 676–689. doi: 10.1093/IJPOR/EDW013.

Dominguez C.B.K., Smith K.W., Williams J.M. The Effects of Majoring in Political Science on Political Efficacy. *Journal of Political Science Education*, 2017, 13(1), 62–74. doi: 10.1080/15512169.2016.1182439.

ESS Round 8 Question Design Template – New Core Items. European Social Survey, 2016. URL: https://www.europeansocialsurvey.org/docs/methodology/core_ess_questionnaire/ESS8_political_efficiency_final_template.pdf.

Farman L., Riffe D., Kifer M., Elder S.L. Finding the truth in politics: An empirical validation of the epistemic political efficacy concept. *Atlantic Journal of Communication*, 2017, 26(1), 1–15. doi: 10.1080/15456870.2018.1398162.

Finkel S.E. Reciprocal Effects of Participation and Political Efficacy: A Panel Analysis. *American Journal of Political Science*, 1985, 29(4), 891. doi: 10.2307/2111186.

Gallego A., Oberski D. Personality and Political Participation: The Mediation Hypothesis. *Political Behavior*, 2012, 34(3), 425–451. doi: 10.1007/s11109-011-9168-7.

Gulevich O., Sarieva I., Nevrujev A., Yagiyayev I. How do social beliefs affect political action motivation? The cases of Russia and Ukraine. *Group Processes and Intergroup Relations*, 2017, 20(3), 382–395. doi: 10.1177/1368430216683531.

Halpern D., Valenzuela S., Katz J.E. We Face, I Tweet: How Different Social Media Influence Political Participation through Collective and Internal Efficacy. *Journal of Computer-Mediated Communication*, 2017, 22(6), 320–336. doi: 10.1111/jcc4.12198.

Hamilton D., Fauri D. Social workers' political participation: Strengthening the political confidence of social work students. *Journal of Social Work Education*, 2001, 37(2), 321–332. doi: 10.1080/10437797.2001.10779057.

Han C., Hoskins B., Sim J.B.Y. The relationship between civic attitudes and voting intention: An analysis of vocational upper secondary schools in England and Singapore. *Compare*, 2014, 44(5), 801–825. doi: 10.1080/03057925.2013.780874.

Harder J., Krosnick J.A. Why Do People Vote? A Psychological Analysis of the Causes of Voter Turnout. *Journal of Social Issues*, 2008, 64(3), 525–549. doi: 10.1111/j.1540-4560.2008.00576.

Hayes B.C., Bean C.S. Political efficacy: A comparative study of the United States, West Germany, Great Britain and Australia. *European Journal of Political Research*, 1993, 23(3), 261–280. doi: 10.1111/j.1475-6765.1993.tb00359.

Heger K., Hoffmann C.P. Feminism! What Is It Good For? The Role of Feminism and Political Self-Efficacy in Women's Online Political Participation. *Social Science Computer Review*, 2019, 1–19. doi: 10.1177/0894439319865909.

Janowitz M., Marvick D. Competitive Pressure and Democratic Consent. *Public Opinion Quarterly*, 1955, 19(4), 381. doi: 10.1086/266587.

Jiménez-Moya G., Miranda D., Drury J., Saavedra P., González R. When nonactivists care: Group efficacy mediates the effect of social identification and perceived instability on the legitimacy of collective action. *Group Processes & Intergroup Relations*, 2019, 22(4), 563–577. doi: 10.1177/1368430217751631.

- Jost J.T., Barberá P., Bonneau R., Langer M., Metzger M., Nagler J., Sterling J., Tucker J.A. How Social Media Facilitates Political Protest: Information, Motivation, and Social Networks. *Political Psychology*, 2018, 39, 85–118. doi: 10.1111/pops.12478.
- Jung N., Kim Y., de Zúñiga H.G. The mediating role of knowledge and efficacy in the effects of communication on political participation. *Mass Communication and Society*, 2011, 14(4), 407–430. doi: 10.1080/15205436.2010.496135.
- Karp J.A., Banducci S.A. Political efficacy and participation in twenty-seven democracies: How electoral systems shape political behaviour. *British Journal of Political Science*, 2008, 38(2), 311–334. doi: 10.1017/S0007123408000161.
- Katrin Arens A., Watermann R. Political efficacy in adolescence: Development, gender differences, and outcome relations. *Developmental Psychology*, 2017, 53(5), 933–948. doi: 10.1037/dev0000300.
- Kenski K., Stroud N.J. Connections between Internet use and political efficacy, knowledge, and participation. *Journal of Broadcasting and Electronic Media*, 2006, 50, 173–192. doi: 10.1207/s15506878jobem5002_1.
- Kim B.J. Political efficacy, community collective efficacy, trust and extroversion in the information society: Differences between online and offline civic/political activities. *Government Information Quarterly*, 2015, 32(1), 43–51. doi: 10.1016/j.giq.2014.09.006.
- Klandermans B., Van der Toorn J., Van Stekelenburg J., Van der Toorn J. Embeddedness and identity: How immigrants turn grievances into action. *American Sociological Review*, 2008, 73(6), 992–1012. doi: 10.1177/000312240807300606.
- Kushin M.J., Yamamoto M. Did social media really matter? college students' use of online media and political decision making in the 2008 election. *Mass Communication and Society*, 2010, 13(5), 608–630. doi: 10.1080/15205436.2010.516863.
- Lassen D.D., Serritzlew S. Jurisdiction size and local democracy: Evidence on internal political efficacy from large-scale municipal reform. *American Political Science Review*, 2011, 105, 238–258. doi: 10.1017/S000305541100013X.
- Leath S., Chavous T. We really protested: The influence of sociopolitical beliefs, political self-efficacy, campus racial climate on civic engagement among black college students attending predominantly white institutions. *Journal of Negro Education*, 2017, 86(3), 220–237. doi: 10.7709/jnegroeducation.86.3.0220.
- Lee F.L. F. Collective efficacy, support for democratization, and political participation in Hong Kong. *International Journal of Public Opinion Research*, 2006, 18(3), 297–317. doi: 10.1093/ijpor/edh105.
- Lee K.M. Effects of Internet use on college students' political efficacy. *Cyberpsychology and Behavior*, 2006, 9(4), 415–422. doi: 10.1089/cpb.2006.9.415.
- Levy B.L.M. An empirical exploration of factors related to adolescents' political efficacy. *Educational Psychology*, 2013, 33(3), 357–390. doi: 10.1080/01443410.2013.772774.
- Levy B.L.M. Youth Developing Political Efficacy Through Social Learning Experiences: Becoming Active Participants in a Supportive Model United Nations Club. *Theory and Research in Social Education*, 2018, 46(3), 410–448. doi: 10.1080/00933104.2017.1377654.
- Madsen D. Political Self-Efficacy Tested. *American Political Science Review*, 1987, 81(2), 571–581. doi: 10.2307/1961970.
- Magni G. It's the emotions, Stupid! Anger about the economic crisis, low political efficacy, and support for populist parties. *Electoral Studies*, 2017, 50, 91–102. doi: 10.1016/j.electstud.2017.09.014.
- Mannarini T., Roccato M., Fedi A., Rovere A. Six Factors Fostering Protest: Predicting Participation in Locally Unwanted Land Uses Movements. *Political Psychology*, 2009, 30(6), 895–920. doi: 10.1111/j.1467-9221.2009.00732.
- Marx P., Nguyen C. Anti-elite parties and political inequality: How challenges to the political mainstream reduce income gaps in internal efficacy. *European Journal of Political Research*, 2018, 57(4), 919–940. doi: 10.1111/1475-6765.12258.
- Marx P., Nguyen C. Are the Unemployed Less Politically Involved? A Comparative Study of Internal Political Efficacy. *European Sociological Review*, 2016, 32(5), 634–648. doi: 10.1093/esr/jcw020.
- Morrell M.E. Deliberation, democratic decision-making and internal political efficacy. *Political Behavior*, 2005, 27(1), 49–69. doi: 10.1007/s11109-005-3076-7.
- Morrell M.E. Survey and Experimental Evidence for a Reliable and Valid Measure of Internal Political Efficacy. *Public*

Opinion Quarterly, 2003, 67(4), 589–602. doi: 10.1086/378965.

Mummendey A., Kessler T., Klink A., Mielke R. Strategies to cope with negative social identity: Predictions by social identity theory and relative deprivation theory. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1999, 76(2), 229–245. doi: 10.1037/0022-3514.76.2.229.

Ohmer M.L. Citizen participation in neighborhood organizations and its relationship to volunteers' self- and collective efficacy and sense of community. *Social Work Research*, 2007, 31(2), 109–120. doi: 10.1093/swr/31.2.109.

Osborne D., Jost J.T., Becker J.C., Badaan V., Sibley C. G. Protesting to challenge or defend the system? A system justification perspective on collective action. *European Journal of Social Psychology*, 2019, 49(2), 244–269. doi: 10.1002/ejsp.2522.

Ostrander J.A., Lane S., McClendon J., Hayes C., Smith T.R. Collective Power to Create Political Change: Increasing the Political Efficacy and Engagement of Social Workers. *Journal of Policy Practice*, 2017, 16(3), 261–275. doi: 10.1080/15588742.2016.1266296.

Park K., You S. Can online communities be social capital? The effect of online communities on individuals' political engagement. *Current Psychology*, 2019, 1, 1–8. doi: 10.1007/s12144-018-0109-z.

Pasek J., Feldman L., Romer D., Jamieson K.H. Schools as incubators of democratic participation: Building long-term political efficacy with civic education. *Applied Developmental Science*, 2008, 12(1), 26–37. doi: 10.1080/10888690801910526.

Pei Z., Pan Y., Skitmore M. Political Efficacy, Social Network and Involvement in Public Deliberation in Rural China. *Social Indicators Research*, 2018, 139(2), 453–471. doi: 10.1007/s11205-017-1737-7.

Pingree R.J. Effects of Unresolved Factual Disputes in the News on Epistemic Political Efficacy. *Journal of Communication*, 2011, 61(1), 22–47. doi: 10.1111/j.1460-2466.2010.01525.

Pingree R.J., Brossard D., McLeod, D.M. Effects of journalistic adjudication on factual beliefs, news evaluations, information seeking, and epistemic political efficacy. *Mass Communication and Society*, 2014, 17(5), 615–638. doi: 10.1080/15205436.2013.821491.

Pingree R.J., Hill M., McLeod D.M. Distinguishing Effects of Game Framing and Journalistic Adjudication on Cynicism and Epistemic Political Efficacy. *Communication Research*, 2013, 40(2), 193–214. doi: 10.1177/0093650212439205.

Rees J.H., Bamberg S. Climate protection needs societal change: Determinants of intention to participate in collective climate action. *European Journal of Social Psychology*, 2014, 44(5), 466–473. doi: 10.1002/ejsp.2032.

Reichert F. How internal political efficacy translates political knowledge into political participation: Evidence from Germany. *Europe's Journal of Psychology*, 2016, 12(2), 221–241. doi: 10.5964/ejop.v12i2.1095.

Ritter J.A. A national study predicting licensed social workers' levels of political participation: The role of resources, psychological engagement, and recruitment networks. *Social Work*, 2008, 53(4), 347–357. doi: 10.1093/sw/53.4.347.

Ritter J.A. Evaluating the Political Participation of Licensed Social Workers in the New Millennium. *Journal of Policy Practice*, 2007, 6(4), 61–78. doi: 10.1300/J508v06n04_05.

Robison J. The Social Rewards of Engagement: Appealing to Social Motivations to Stimulate Political Interest at High and Low Levels of External Efficacy. *Political Studies*, 2017, 65(1), 24–41. doi: 10.1177/0032321715619431.

Rudolph T.J., Gangl A., Stevens D. The effects of efficacy and emotions on campaign involvement. *Journal of Politics*, 2000, 62(4), 1189–1197. doi: 10.1111/0022-3816.00053.

Sarieva I.R. How to measure perceived political efficacy? A three-component scale. *Psychology, Journal of the Higher School of Economics*, 2018, 15(3), 477–490. doi: 10.17323/1813-8918-2018-3-477-490.

Sasaki F. Online Political Efficacy (OPE) as a Reliable Survey Measure of Political Empowerment When Using the Internet. *Policy & Internet*, 2016, 8(2), 197–214. doi: 10.1002/poi3.114.

Scheufele D.A., Nisbet M.C. Being a citizen online: New opportunities and dead ends. *Harvard International Journal of Press/Politics*, 2002, 7, 55–75. doi: 10.1177/1081180X0200700304.

Schmitt J.B. Media self-efficacy and internal political efficacy as processes underlying young adults' political participation

Medien- und politikbezogene Selbstwirksamkeit als Wegbereiter politischer Partizipation. *Studies in Communication Media*, 2016, 5(2), 197–222. doi: 10.5771/2192-4007-2016-2-197.

Šerek J., Lacinová L., Macek P. Does family experience influence political beliefs? Relation between interparental conflict perceptions and political efficacy in late adolescence. *Journal of Adolescence*, 2012, 35(3), 577–586. doi: 10.1016/j.adolescence.2011.10.001.

Šerek J., Machackova H. Role of school climate and personality in the development of Czech adolescents' political self-efficacy. *Applied Developmental Science*, 2019, 23(3), 203–213. doi: 10.1080/10888691.2017.1364163.

Šerek J., Machackova H., Macek P. The chicken or egg question of adolescents' political involvement: Longitudinal analysis of the relation between young people's political participation, political efficacy, and interest in politics. *Zeitschrift Fur Psychologie / Journal of Psychology*, 2017, 225(4), 347–356. doi: 10.1027/2151-2604/a000297.

Sheerin C.A. Political Efficacy and Youth Non-Voting: A Qualitative Investigation into the Attitudes and Experiences of Young Voters and Non-Voters in New Zealand. University of Canterbury. Political Science and Communication, 2007. Retrieved from <https://ir.canterbury.ac.nz/handle/10092/962>.

Shelton S.H. Developing the Construct of General Self-Efficacy¹. *Psychological Reports*, 1990, 66(3), 987–994. doi: 10.1177/003329419006600301.

Sulitzeanu-Kenan R., Halperin E. Making a difference: Political efficacy and policy preference construction. *British Journal of Political Science*, 2013, 43, 295–322. doi: 10.1017/S0007123412000324.

Tausch N., Becker J.C. Emotional reactions to success and failure of collective action as predictors of future action intentions: A longitudinal investigation in the context of student protests in Germany. *British Journal of Social Psychology*, 2013, 52(3), 525–542. doi: 10.1111/j.2044-8309.2012.02109.

Tsfati Y., Cohen J. The influence of presumed media influence on democratic legitimacy: The case of gaza settlers. *Communication Research*, 2005, 32(6), 794–821. doi: 10.1177/0093650205281057.

Valentino N.A., Gregorowicz K., Groenendyk E.W. Efficacy, emotions and the habit of participation. *Political Behavior*, 2009, 31(3), 307–330. <https://doi.org/10.1007/s11109-008-9076-7>.

Van Zomeren M., Leach C.W., Spears R. Does group efficacy increase group identification? Resolving their paradoxical relationship. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2010, 46(6), 1055–1060. doi: 10.1016/j.jesp.2010.05.006.

Van Zomeren M., Postmes T., Spears R. On conviction's collective consequences: Integrating moral conviction with the social identity model of collective action. *British Journal of Social Psychology*, 2012, 51(1), 52–71. doi: 10.1111/j.2044-8309.2010.02000.

Van Zomeren M., Postmes T., Spears R. Toward an Integrative Social Identity Model of Collective Action: A Quantitative Research Synthesis of Three Socio-Psychological Perspectives. *Psychological Bulletin*, 2008, 134(4), 504–535. doi: 10.1037/0033-2909.134.4.504.

Van Zomeren M., Spears R., Fischer A.H., Leach C.W. Put your money where your mouth is! Explaining collective action tendencies through group-based anger and group efficacy. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2004, 87(5), 649–664. doi: 10.1037/0022-3514.87.5.649.

Vecchione M., Caprara G.V., Caprara M.G., Alessandri G., Tabernero C., González-Castro J. L. The Perceived Political Self-Efficacy Scale–Short Form (PPSE-S): A Validation Study in Three Mediterranean Countries. *Cross-Cultural Research*, 2014, 48(4), 368–384. doi: 10.1177/1069397114523924.

Velasquez A., LaRose R. Youth collective activism through social media: The role of collective efficacy. *New Media and Society*, 2015, 17(6), 899–918. doi: 10.1177/1461444813518391.

Walker T. The Service/Politics Split: Rethinking Service to Teach Political Engagement. *PS: Political Science and Politics*, 2000, 33(3), 646. doi: 10.2307/420873.

Wang C.C. Cognitive Dissonance and Changes in External Political Efficacy: A Panel Study of Chinese Students Studying in Taiwan. *Pacific Focus*, 2018, 33(1), 34–57. doi: 10.1111/pafo.12110.

Wen N., Hao X., George C. Gender and political participation: News consumption, political efficacy and interpersonal communication. *Asian Journal of Women's Studies*, 2013, 19(4), 124–149. doi: 10.1080/12259276.2013.11666168.

Włodarczyk A., Basabe N., Pérez D., Zumeta L. Hope and anger as mediators between collective action frames and participation in collective mobilization: The case of 15-M. *Journal of Social and Political Psychology*, 2017, 5(1), 200–223. doi: 10.5964/jspp.v5i1.471.

Wolak J. Feelings of Political Efficacy in the Fifty States. *Political Behavior*, 2018, 40(3), 763–784. doi: 10.1007/s11109-017-9421-9.

Wollman N., Stouder R. Believed efficacy and political activity: A test of the specificity hypothesis. *Journal of Social Psychology*, 1991, 131(4), 557–566. doi: 10.1080/00224545.1991.9713885.

Yamamoto M., Kushin M.J., Dalisay F. Social media and mobiles as political mobilization forces for young adults: Examining the moderating role of online political expression in political participation. *New Media and Society*, 2015, 17(6), 880–898. doi: 10.1177/1461444813518390

Yeich S., Levine R. Political efficacy: Enhancing the construct and its relationship to mobilization of people. *Journal of Community Psychology*, 1994, 22(3), 259–271. doi: 10.1002/1520-6629(199407)22:3<259::AID-JCOP2290220306>3.0.CO;2-H.

Zeng R., Chen Y., Li H. Participation in collective action in China: Unfair experience, interests involved, and political efficacy. *Social Behavior and Personality: An International Journal*, 2018, 46(9), 1561–1572. doi: 10.2224/sbp.7117.

Zimmerman M.A. The Relationship Between Political Efficacy and Citizen Participation: Construct Validation Studies. *Journal of Personality Assessment*, 1989, 53(3), 554–566. doi: 10.1207/s15327752jpa5303_12.

Поступила в редакцию 02 декабря 2019 г. Дата публикации: 26 декабря 2019 г.

[Сведения об авторах](#)

Сариева Ирена Ремаевна. Старший преподаватель департамента психологии социальных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», ул. Мяс-ницкая, д. 20, 101000 Москва, Россия.
E-mail: isarieva@hse.ru

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Сариева И.Р. Политическая самоэффективность: теоретические подходы и актуальные исследования. *Психологические исследования*, 2019, 12(64), 6. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Сариева И.Р. Политическая самоэффективность: теоретические подходы и актуальные исследования// *Психологические исследования*. 2019. Т. 12, № 64. С. 6. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).
[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2019v12n64/1697-sarieva64.html>

[К началу страницы >>](#)